

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-377-384  
УДК 882

## Вокруг «мистерии вечной гибели и вечного спасения»: Нравственно-философская «спираль» Ю.В. Бондарева

Людмила Евгеньевна ХВОРОВА<sup>1</sup>, Лили ЦЗИНЬ<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup>ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»  
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>, e-mail: [xworowa.mila@yandex.ru](mailto:xworowa.mila@yandex.ru)

<sup>2</sup>Биньхайский институт внешних дел, политологии и правоведения  
при Тяньцзиньском университете иностранных языков  
300072, Китайская Народная Республика, г. Тяньцзинь, Мачанг Роуд, 117  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6902-8907>, e-mail: [Jinlili8361450@126.com](mailto:Jinlili8361450@126.com)

## Around the “mystery of eternal destruction and eternal salvation”: The moral and philosophical “spiral” by Y.V. Bondarev

Liudmila E. KHVOROVA<sup>1</sup>, Lili JIN<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup>Derzhavin Tambov State University  
33 Internationalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>, e-mail: [xworowa.mila@yandex.ru](mailto:xworowa.mila@yandex.ru)

<sup>2</sup>Binhai Institute of Foreign Affairs, Political Science and Law  
of Tianjin Foreign Studies University  
117 MaChang Rd, Tianjin 300072, People's Republic of China  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6902-8907>, e-mail: [Jinlili8361450@126.com](mailto:Jinlili8361450@126.com)

**Аннотация.** Речь идёт о специфической «бондаревской» особенности исследования человеческих характеров в целостном поэтико-философском пространстве его произведений о войне, о позиции автора, его манере художественного мышления, о формировании собственного, индивидуально-авторского мировоззрения, основанного на глубоких традициях русской классической художественно-философской мысли, восходящей к произведениям А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Представлены «штрихи» к осмыслению так называемой бондаревской «спирали», формулируются её основные особенности. В аспекте духовно-культурной парадигмы осмысливается поведение некоторых героев Ю.В. Бондарева в ситуации, обозначенной им как «или-или», восходящей к традиционной русской духовной коллизии «вечной гибели или вечного спасения».

**Ключевые слова:** нравственно-философская спираль; отечественная традиция; соборность; отъединенность; генезис подвига; мир – война

**Для цитирования:** Хворова Л.Е., Цзинь Лили. Вокруг «мистерии вечной гибели и вечного спасения»: Нравственно-философская «спираль» Ю.В. Бондарева // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 377-384. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-377-384

**Abstract.** The research deals with a specific “Bondarev’s” feature of the human characters study in holistic poetical and philosophical space of his works about war, the author’s position, his manner of artistic thinking, the formation of his own, individual author’s worldview, which is based on deep traditions of Russian classical artistic and philosophical thought, outgoing to the works of A.S. Pushkin, F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy. The “touches” of understanding of the so-called Bondarev’s “spiral” are presented, its main features are formulated. In the aspect of the spiritual and cultural paradigm, the behavior of some Y.V. Bondarev’s heroes is conceptualized in a situation designated by him as “either-or”, dating back to traditional Russian spiritual conflict of “eternal destruction or eternal salvation”.

**Keywords:** moral and philosophical spiral; domestic tradition; sobornost; isolation; genesis of feat; peace – war

**For citation:** Khvorova L.E., Jin Lili. Vokrug «misterii vechnoy gibeli i vechnogo spaseniya»: Nравstvenno-filosofskaya «spiral'» Y.V. Bondareva [Around the “mystery of eternal destruction and eternal salvation”: The moral and philosophical “spiral” by Y.V. Bondarev]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 377-384. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-377-384 (In Russian, Abstr. in Engl.)

75-летию Победы советского народа  
в Великой Отечественной войне  
посвящается

На всю оставшуюся жизнь  
Запомним братство фронтовое,  
Как завещание святое...

П. Фоменко, Б. Вахтин

В литературе о Ю.В. Бондареве замечено, что в разработке проблем и в изображении характеров в своих произведениях писатель движется как бы по спирали (см., к примеру, [1]). Причём ему не так важно, центральные это или второстепенные персонажи. Однако всё же некоторые советские критики обвиняли его в повторах, аргументируя свои выводы тем, что у истинного писателя так не должно быть. Но, спустя годы и десятилетия, когда его творчество постепенно сложилось в целостную, многоуровневую систему, и теперь его уже можно осмыслить именно в таком ключе, следует с уверенностью утверждать, что это не «прямая» повторяемость, а именно «спираль» – исследование доминантных духовно-нравственных проблем человеческого характера с постепенным усложнением, напряжением, порою предельным психологическим «сжатием-накалом» в аспекте лучших традиций отечественной классики, сквозь личный, уникальный, своеобразный синтез – переплетение художественного и реального хронотопов: проза писателя о войне создавалась в течение многих десятилетий, начиная с 1950-х гг. Да и можно утверждать, что военная тема так и не ушла из художественной памяти легендарного фронтовика-писателя, продолжающего работать и в настоящее время.

О своём писательском кредо Ю.В. Бондарев часто в тех или иных вариантах говорил, что «...остался самым собой в понимании человека, поставленного на грань «или-или» в момент самой высокой и тяжёлой проверки на человечность» [2, т. 6, с. 109], поскольку сохранились вечными и неизменяемыми такие понятия, как честь, долг, благородство, соборность – в глубинах русского

национального менталитета. «Спираль» Бондарева очевидна в сторону усложнения характеров, скажем, от капитана Ермакова («Батальоны просят огня», 1957) к Новикову («Последние залпы», 1959). Таких примеров можно привести множество, в том числе и в движении от раннего к более позднему творчеству.

Не будет преувеличением констатация, что знаменитое бондаревское «или-или» имеет глубокие нравственно-философские корни и восходит – без преувеличения – к сакральным поискам Ф.М. Достоевского вокруг «мистерии вечной гибели и вечного спасения» (Г. Померанц).

Практически через все произведения Ю.В. Бондарева, так или иначе связанные с войной, прямо или опосредованно осмыслиется вопрос: как добиться (или возможно было бы добиться) военных успехов с меньшими потерями. После победы советское военное руководство часто упрекали в том, что мирная жизнь была завоёвана ценою огромных жертв. Нередко эти упреки слышались и по сей день. Однако следует подчеркнуть, что подобного рода трагическая ситуация (а она, в самом деле, трагическая) не может быть, тем не менее, однолинейной: она обусловлена целой системой проблем как социально-исторического, так и индивидуально-личностного характера. Но следует отметить и её «духовную» составляющую. Ф.М. Достоевский полагал, что война может быть и лекарством для человечества [3, с. 111], оговариваясь при этом, что речь, безусловно, идёт об *освободительной, праведной* войне, и только о ней; подъём духа воюющей нации может дать повод не к объединению людей. В рассматриваемом нами варианте с романами Ю.В. Бондарева это как раз была именно такая война – священная, защитная, освободительная. Именно поэтому, отлично от противника, советские воины в Великую Отечественную войну очень часто сражались, так сказать, «сердцем», не раздумывая над тем или иным поступком, а бросаясь в самое

пекло, как часто говорили простые солдаты в такой ситуации – «без башки». Именно это рождало примеры массового героизма. На данную тему Ю.В. Бондарев много прямо и опосредованно рассуждает на страницах своих художественных и публицистических творений на протяжении всего творческого пути. Другими словами, многочисленные потери, имевшие место в процессе той страшной войны, – далеко не всегда результат тех или иных негативных, непродуманных конкретных поступков военачальников. В генезисе подвига как отдельного человека, так и народа в целом не может лежать рационально-выверенный расчёт; это прежде всего импульсивно-мгновенный порыв, рождённый синтезом чувств, возникающих в условиях экстремальных, но обязательно праведных, рождённых логикой именно войны справедливой. В основе таких чувств скрывается позитивная энергия любви: «Любовь не может заключаться в себе самой, ибо основное свойство её – потребность изливаться на кого-нибудь и на что-нибудь» [4, с. 15].

Проблемы добра и зла, жестокости на войне углубляются в произведениях конца 1970-х – начала 1980-х гг. Многоаспектная усложнённая представлена уже в заглавии кульминационного бондаревского романа «Выбор» (1981). Выбор в его творчестве – это глубокая нравственно-философская, ключевая проблема всех художественных размышлений в рамках тематической смычки «мир–война». На это обращали внимание многие исследователи творчества писателя разных поколений. Исходя из такой постановки вопроса, писатель со временем в процессе становления своей художественной зрелости всё более усложняет человеческие характеры, проверяя их уже не только в ситуации войны, но и в философской связке «война и мир». Поэтому помимо прочих аргументов данное обстоятельство также свидетельствует о том, что характеры Ю.В. Бондарева трудно воспринимать только в рамках ведущего метода советского литературоведения – социалистического реализма. Эту особенность подчеркивал и сам автор: «Литература стала пристальнее исследовать то, что и должна исследовать, – комплекс поступков или импульсов порой непостижимых человеческих эмоций, анализируя в человеке

добро и зло, любовь и ненависть, страх и освобождение от страха... Эти категории, слава Богу, перестали быть только назывными, заданными для геометрического разделения персонажей на «положительных» и «отрицательных». Возникла иная измерительная категория – человечность» [2, т. 6, с. 61].

Размышляя в этой плоскости, Ю.В. Бондарев имел в виду современную ему литературу советского периода, её сложный, мучительный путь избавления, освобождения в том числе и от назойливо навязываемых сентенций критических постулатов многочисленных литературных группировок, заявивших о себе в первые десятилетия Советской власти, которые искоренялись мучительно сложно, несмотря на принятые меры в рамках Первого Всесоюзного съезда советских писателей в 1934 г. В одной из статей мы подчёркивали, что творчество Ю.В. Бондарева всегда выходило за рамки так называемой «гипертрофированной социальности» [5]. Следует также отметить, что размышления писателя сравнимы с традиционными русскими классическими примерами, скажем, с толстовскими («пути исканий» князя Андрея или Пьера Безухова в ситуации «мир и война» в романе «Война и мир»). Автору XX столетия, как и его выдающемуся предшественнику Л.Н. Толстому, такому же участнику военных событий, важно показать, говоря словами О. Михайлова, «какие человеческие черты появились в <...> характере в <...> драматический момент» [6, с. 46]. Исследователь комментирует ситуацию с полковником Иверзевым («Батальоны просят огня»), живописует его душевные муки, которые стали итогом выстраданных поступков, облегчающих участь личного состава батальонов. Другими словами, в этом характере, как и в случае с иными героями Л.Н. Толстого, происходят очень важные перемены, которые даются им невероятно тяжело. Видимо, становление, формирование личностных качеств в экстремальных (военных) условиях помогали и Л.Н. Толстому, и Ю.В. Бондареву более глубоко осмыслить и воспроизводить человеческие характеры.

Рассказывая о полковнике Иверзеве в критический момент, писатель XX века акцентирует внимание читателей на таких деталях его портрета, как «ослабевший голос»,

«закрытые глаза» (которые ранее описывались как «холодные синие» «с льдистым блеском»), «задрожавшая щека», «срывающийся шёпот». Он устраивает мучительную нравственно-психологическую проверку своему герою, постепенно подводя его в итоге к духовно-справедливому выбору. Портретная характеристика в данном случае отнюдь не статична, а подчеркнута назойливо повторяющимися глаголами: «глухо проговорил», «с трудом приподнялся», «повторил... откинувшись на сиденье», «закрыв глаза». И все это для того, чтобы вымученно, опять-таки – повторяя, в конце концов произнести: «Если бы я мог... Если бы я мог...» (здесь и далее выделено нами. – Л. Х., Л. Ц.) [2, т. 1, с. 212].

В системе размышлений Ю.В. Бондарева оказываются многие детали, которые рождает именно военная обстановка. Герои «Батальонов...» как бы продолжают своё развитие в иных, более сложных персонажах романа «Горячий снег» (1970). Для автора очень важна проблема, которую можно осмыслить в рамках традиционной соборности как основополагающей категории русской религиозно-философской мысли: героизм, идущий от сердца, и героизм (?), рождённый эгоистическими соображениями. Здесь уместно вспомнить поведение лейтенанта Дроздовского. Ему желательно продемонстрировать себя перед генералом Бессоновым с «выгодной» стороны. Причём выгода в данном случае не материальная, а «духовная»: Дроздовский мечтает о подвиге. Кажется, что же здесь предосудительного? Но возможна ли вообще *духовная* выгода? Однако в том и тонкость авторских размышлений: «героизм» Дроздовского индивидуалистичен, эгоистичен. Прежде всего его волнуют не судьбы фронтовых товарищей, а собственное эгоистическое устремление. Битва под Сталинградом для Дроздовского – это возможность удовлетворения его юношеского тщеславия. Начальная ситуация личностного «выбора» («или-или») пока ещё на низшем витке «спирали» – в единичной ситуации – представлена в его характере достаточно просто и категорично, как он сам и заявляет генералу Бессонову: «Мы будем здесь до последнего <...>. Хочу заверить Вас, что артиллеристы первой батареи не пожалеют жизни и оправдают оказанное им доверие! Мы готовы умереть!» [2, т. 2, с. 295].

Автор пристально наблюдает за своим героем, комментируя нотки недопустимого индивидуализма в его неокрепшей душе: «Он давно и прочно внушил себе, что первый бой многое будет значить в его судьбе или станет для него последним» [2, т. 2, с. 296]. Уже в этом, раннем романе писатель обнаруживает выдающийся талант художника-словесника. «Любимец командиров-строевиков» с «властным выражением тонкого, бледного лица», Дроздовский, скажем так, любил себя – «играл» «крепкими мускулами гимнаста, ходил на виду у солдат и, наклоняясь, молча и энергично растирался снегом». И далее через необходимый автору повтор следует важное резюме, подчеркивающее игровое-показательное поведение лейтенанта: «и в том, как он умывался и растирался пригоршнями снега, было что-то «демонстративно-упорное» [2, т. 2, с. 173].

Такой способ подачи портретных характеристик персонажей – в традициях русской классики. В частности, позволим себе привести в чем-то схожий психологический рисунок портрета Анны Карениной, где Л.Н. Толстой, настойчиво повторяя нужные ему детали, затем завершает фрагмент портретной характеристики похожим резюме. Как и Дроздовский, Анна на балу явно (неважно – сознательно или несознательно) *прельщает* Вронского и окружающих (в частности, Кити), *понимает*, что на неё обращают внимание, как бы *демонстрирует* свое чёрное платье (цвет также имеет здесь ключевое значение – у Ю.В. Бондарева акцент делается на белом снеге, возможно, намеренно, ведь снег – ключевой элемент заглавия: он в романе «Горячий»). В данном же случае очевиден резко контрастирующий антоним: «белый снег – холодный, как и облик и характер лейтенанта Дроздовского). Л.Н. Толстой играет повторами и другими языковыми конструкциями, создающими некоторую загадочность: «Какая-то сверхъестественная сила притягивала глаза Кити к лицу Анны. Она была прелестна в своём простом чёрном платье, прелестны были её полные руки с браслетами, прелестна твёрдая шея с ниткой жемчуга, прелестны вьющиеся волосы расстроившейся причёски, прелестны грациозные лёгкие движения маленьких ног и рук, прелестно это красивое лицо в своём оживлении; но было что-то

ужасное и жестокое в её прелести» [7, с. 98-99]. Обратим внимание, что и Л.Н. Толстой, и Ю.В. Бондарев, *как бы* «забывая» о душе, в данном случае подчеркивают телесные достоинства, обычно привлекательные в женщине (шея, причёска, грациозные движения рук и ног) и в мужчине (гибкий торс, крепкие мускулы), но резюме, повторяем, подано предельно категорично и намекает как на ключевые черты характера, на дальнейшее трагическое развитие ситуации, так и на оттенки личного отношения писателей к своим героям: *«было что-то ужасное и жестокое в её прелести» (Анна); «было что-то демонстративно-упорное» (Дроздовский)*.

Схожие черты в сравнении с Дроздовским в отдельных деталях можно припомнить и в Андрее Болконском, стремившемся к красивой славе на начальном этапе своего духовного восхождения. Позже по-своему, в духовном плане, Дроздовский «наказан» за своё жестокое отношение к людям. Любопытно проследить, что непреложная жизненная истина, что за всё сделанное, сотворённое, как хорошее, так и скверное, приходится рано или поздно расплачиваться, решается обоими писателями в христианской плоскости. Если Иверзев наказан Провидением гибелью вверенных ему батальонов (именно по этому поводу он и произносит выше приведённые мучительные слова), то «сверхнаказание», даденное Дроздовскому – это гибель Зои Елагиной, близкой ему девушки. Опустошён после тяжёлого ранения и толстовский князь Андрей, также испытавший потерю жены и глубоко разочарованный в личных индивидуалистических порывах.

Давно замечено, что в романе «Горячий снег» на протяжении всего сюжета очевидно противопоставление Кузнецова и Дроздовского. Дроздовскому хочется командовать и своим товарищем по училищу: «Кузнецов... Запомни! В батарее я команду. Я!.. Только я! Здесь не училище! Кончилось панибратство» [2, т. 2, с. 218]. Он убеждён, что дружеских отношений с подчинёнными у командира быть не может. То есть лейтенант Дроздовский проявляет откровенно чуждые, противоположные соборному способу поведения оттенки своего характера, заложенные в глупинах его души.

«Отъединенность» (качество, противоположное соборности, как обозначал его Ф.М. Достоевский) Дроздовского постоянно подчёркивается в тексте романа через образно-поэтический спектр приёмов. Так, потерю связи со своими подчинёнными Ю.В. Бондарев изображает через интересный, скажем так, портретно-интерьерный антураж. По ходу сражения он фактически утрачивает связь не только со своими подчинёнными, но и вообще с окружающими его людьми. Дроздовского автор удаляет от всех. В заключительной, финальной сцене оставшиеся в живых бойцы всего лишь за сутки кровопролитного и напряжённого сражения становятся фактически братьями и символически собираются вокруг котелка. Обыкновенный фронтовой котелок вырастает до размеров «образа-символа», становится как бы «соборным» выражением фронтового братства: ведь в условиях войны это тот сакральный предмет, который давал людям пищу, тепло, а значит – жизнь. Вспоминается старец Зосима Достоевского со своим известным высказыванием («Братья Карамазовы»): «Были бы братья, будет и братство». Так вот, в экстремальных, героико-трагических условиях «братство» родилось фактически за какие-нибудь сутки.

Отчуждённость Дроздовского, его отпадение от «соборного» братства автор акцентирует и через привычные для его творческого почерка уже и в этот, относительно ранний период, портретные детали, которые передают сложный психологический надлом этого персонажа: он шёл «совершенно непохожий на того стройного, подтянутого комбата; ему, видимо, стоило огромных усилий подбежать к генералу и ещё с прежней легкостью кинуть руку к виску, доложить; шёл он разбито-вялой, расслабленной походкой, опустив голову, согнув плечи, ни разу не взглянув в направлении орудия, точно не было вокруг никого» [2, т. 2, с. 525]. По меткому замечанию сержанта Нечаева, «Идёт, вроде слепой» [2, т. 2, с. 525]. Данное резюме наблюдательного сержанта символично; автор как раз стремится подчеркнуть опасную отъединённость своего героя, которая не может не завести его в безысходный духовный тупик. Развитие этого ещё более трагического витка «спирали» со всей очевидностью и

бескомпромиссностью будет продемонстрировано писателем позже, в характере Ильи Рамзина в момент его, рамзинского «или-или» («Выбор»).

Для воспроизведения личностных качеств лейтенанта Кузнецова автор находит иные поэтические средства, нежели для Дроздовского. Он *вспоминает* своих близких, размышляет о своём детстве, о тех, кого он оставил дома, то есть о самых родных и самых дорогих его сердцу людях. Ю.В. Бондарев иллюстрирует нужные ему ключевые мысли, как это всегда было принято в русской классике – разными поэтико-выразительными способами: через детали портретных характеристик, глубокие философско-психологические мотивы, размышления, выраженные посредством разного рода ретроспекций и ассоциаций, наконец, значимыми композиционными построениями. Так, очень важно, что начинается роман фактически с упоминания именно этого героя. В представлении этого персонажа читателям автору явно недостаточно акцентирования деталей походки или цвета глаз; он сразу же, без всяких предварительных подходов, подаёт сложнейшую поэтико-философскую картину чувств лейтенанта. Знакомый ещё с пушкинских открытий метельно – «безысходный» пейзаж, предвосхищающий трагические, но «очищающие» события, созвучен его мучительным переживаниям и предчувствиям. Сквозь метельные вихри совсем скоро выразившиеся в небывалый и ни с чем не сравнимый по своему накалу «апокалипсис» – Сталинградскую битву – «Паровоз с диким, раздирающим метель рёвом гнал эшелон в ночных полях, в белой, несущейся со всех сторон мути, и в гремучей темноте вагона, сквозь мёрзлый визг колес, сквозь тревожные всхлипы, бормотание во сне солдат был слышен этот непрерывно предупреждающий кого-то рёв паровоза» – Кузнецов думает только об одном: о матери. Уже в первых, начальных абзацах повествования это подчёркивается автором настойчиво – лейтмотивно. Так он словно бы «обрушивает» на читателя уже с самого начала всё самое сокровенное: «Значит, я долго не увижу мать, – съёживаясь от холода, подумал Кузнецов, – нас провезли мимо...»; // «И не было надежды увидеть мать, а он совсем недавно почти не

сомневался, что их повезут на запад через Москву»; // «Я напишу ей, – с внезапно обострившимся чувством одиночества подумал Кузнецов, – и всё объясню. Ведь мы не виделись девять месяцев...» [2, т. 2, с. 165-166]. Со всей очевидностью контрастируется в авторских комментариях внезапное, но долгожданное, такое желанное освобождение от этого противоестественного и назойливого для Кузнецова чувства, когда, наконец, во время боя, «ударил соседние батареи»: он ощутил «сумасшедший восторг разрушенного одиночества» [2, т. 2, с. 316].

В противоположность Дроздовскому, который затаил в своём сердце жестокую обиду на погибших родителей, оказавшихся виноватыми перед ним уже самим фактом своей смерти, для Кузнецова «обострившееся чувство одиночества» и осознание того, что он, возможно, уже никогда не сможет увидеть свою мать – явление не просто ненормальное, а глубоко – трагическое, страшное, неестественное. Естественное же для него – совсем иное – постоянно присутствующие в нём мысли о матери, самом дорогом человеке – то самое тёплое, сокровенное, что спрятано в глубинных тайниках его души. Обретение же фронтового братства, соборного единства для Кузнецова – сокровенный и желанный подарок «возвращения к самому себе». Для Всевышнего, как известно, нет мёртвых, и это удивительным образом прочувствовано в авторском комментарии, когда, казалось бы, уже никого не осталось в живых, но, тем не менее, люди продолжали наносить удары по отступающему противнику: «То, что считалось мёртвым, уничтоженным, начинало слабо шевелиться, подавать признаки жизни, и невозможно было вообразить, как сохранилась эта жизнь» [2, т. 2, с. 509]. Некий, скажем так, «мгновенный психологический бумеранг» от мёртвого к живому, чудесное сплетение личных судеб в единое-целое фронтовое братство, соединение живых и мёртвых в спасительно-соборное товарищество – одна из ключевых причин победы в наисложнейшем и невероятно трагическом по своему накалу Сталинградском сражении, художественно воспроизведённом в романе «Горячий снег».

Нравственно-философская «спираль» Ю.В. Бондарева в дальнейшем ещё осущест-

вит свои сложнейшие, трагические витки и обострится до крайних и невыносимых пределов сжатия в сложнейших характерах Вадима Никитина («Берег»), Ильи Рамзина, Владимира Васильева («Выбор»), где их отношения с самыми близкими дойдут, кажется, до предельной черты, всё очевиднее уво-

дя автора от порою навязчивого спецификой его современности искусственного и в чем-то опасного, пагубного, разрушающего сознание и душу деления героев и людей вообще на так называемых «положительных» и «отрицательных».

### Список литературы

1. Шкурят Л.С. Ю.В. Бондарев: творческая эволюция писателя. Липецк: Изд-во Липецк. гос. пед. ун-та, 2016. 364 с.
2. Бондарев Ю.В. Выбор // Бондарев Ю.В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1984–1986.
3. Митрополит Антоний (Храповицкий). Пастырское учение идей и жизни по сочинениям Ф.М. Достоевского // Ф.М. Достоевский и православие. М., 1997. 320 с.
4. Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий. Дух, душа и тело. М.: ТЕРИРЕМ, 2016. 180 с.
5. Хворова Л.Е., Цзинь Лили. Маска: к проблеме метафизической субстанциональности (роман Ю.В. Бондарева «Выбор» и специфика его экранизации) // Неофилология. 2019. Т. 5. № 20. С. 510–517. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-510-517
6. Михайлов О. Юрий Бондарев. М., 1976. 136 с.
7. Толстой Л.Н. Анна Каренина: роман в восьми частях. М.: Худож. лит., 1985. 766 с.

### References

1. Shkurat L.S. Y.V. Bondarev: *tvorcheskaya evolyutsiya pisatelya* [Y.V. Bondarev: the Creative Evolution of the Writer]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University Publ., 2016, 364 p. (In Russian).
2. Bondarev Y.V. Vyor [Choice]. In: Bondarev Y.V. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Bondarev Y.V. Collection of works: in 6 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1984–1986. (In Russian).
3. Metropolitan Antony (Khrapovitsky). Pastyrskoye ucheniye idey i zhizni po sochineniyam F.M. Dostoevskogo [Pastoral Teaching of Ideas and Life Based on the Works of F.M. Dostoevsky]. F.M. Dostoyevskiy i pravoslaviye [F.M. Dostoevsky and Orthodoxy]. Moscow, 1997, 320 p. (In Russian).
4. Archbishop Luka Voyno-Yasensky. *Dukh, dusha i telo* [Spirit, Soul and Body]. Moscow, TERIREM Publ., 2016, 180 p. (In Russian).
5. Khvorova L.E., Jin Lili. Maska: k probleme metafizicheskoy substantsional'nosti (roman Y.V. Bondareva «Vybor» i spetsifika ego ekranizatsii) [Mask: to the issue of metaphysical substantiality (Y.V. Bondarev's novel "Choice" and its adaptation specifics)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 510–517. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-510-517. (In Russian).
6. Mikhaylov O. *Yuriy Bondarev* [Yuri Bondarev]. Moscow, 1976, 136 p. (In Russian).
7. Tolstoy L.N. *Anna Karenina: roman v vos'mi chastyakh* [Anna Karenina: Novel in Eight Parts]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1985, 766 p. (In Russian).

### Информация об авторах

**Хворова Людмила Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

**Вклад в статью:** общая концепция, идея, анализ художественного текста, написание части текста статьи, редактирование.

**ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>

### Information about the authors

**Liudmila E. Khvorova**, Doctor of Philology, Professor, Deputy Head of Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

**Contribution:** main conception, idea, literary texts analysis, part of manuscript text drafting, editing.

**ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>

**Цзинь Лили**, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; аспирант. Бинхайский институт внешних дел, политологии и правоправедения при Тяньцзиньском университете иностранных языков, г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика. E-mail: Jinlili8361450@126.com

**Вклад в статью:** поиск и анализ литературы, изучение источника, анализ исторических литературных источников, написание части текста статьи.

**ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-6902-8907>

Конфликт интересов отсутствует.

**Для контактов:**

Хворова Людмила Евгеньевна  
E-mail: [xworowa.mila@yandex.ru](mailto:xworowa.mila@yandex.ru)

Поступила в редакцию 26.12.2019 г.  
Поступила после рецензирования 17.02.2020 г.  
Принята к публикации 03.03.2020 г.

**Lili Jin**, Post-Graduate Student, Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation; Post-Graduate Student. Binhai Institute of Foreign Affairs, Political Science and Law of Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, People's Republic of China. E-mail: Jinlili8361450@126.com

**Contribution:** literature search and analysis, source study, historical literature references analysis, part of manuscript text drafting.

**ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-6902-8907>

There is no conflict of interests.

**Corresponding author:**

Ludmila E. Khvorova  
E-mail: [xworowa.mila@yandex.ru](mailto:xworowa.mila@yandex.ru)

Received 26 December 2019  
Reviewed 17 February 2020  
Accepted for press 3 March 2020